

Чистейший Апокриф или Небытие Бога

Многократно и многообразно сталкиваясь в течение жизни с зачастую абсурдными идеями религиозной метафизики, складывающейся из сочетания недоказуемых аксиом и чистейшего софизма, и будучи вынужденным иногда вступать в бессмысленные и утомительные споры с индивидами, упорно и напористо убеждёнными в истинности креационистских идей, я решил упорядочить для себя и для читателей выводы всех тех многочисленных мировоззренческих аспектов, что были вскрыты в упомянутых спорах, заодно избавив себя впоследствии от вытягивающего все силы трепания языком в компании набожных собеседников.

Следует отметить, что с тех пор, как проповедники классического научного атеизма материалистического толка не очень-то успешно пытались критиковать церковь, религию и опровергать существование какого бы то ни было Бога или богов, научная и философская мысль шагнула далеко вперёд, совершив качественный парадигматический скачок от ньютоно-картезианских идей в картине мира и теории гипнотической суггестии в психологии до теории относительности и квантовой физики, вкуче с импринтным подходом в психологии восприятия. Во многом, именно устаревшая методология и привела к провалу доказательств научного атеизма, поскольку, если вдуматься, принятые материализмом аксиомы о мире как трёхмерном пространстве, состоящем из материи, рассматриваемой в качестве реальности, данной нам в ощущениях, и об адекватности восприятия как эмпирического опыта человека, так и показателей всевозможных приборов, ничуть не меньше опираются на вопрос априорной веры в «то, что это именно так и есть», нежели любая из существующих религий.

В прогрессивном двадцатом веке, когда в научном мировоззрении произвела своё революционное торжественное шествие теория Эйнштейна, идеи Макса Планка, Эрвина Шрёдингера и Вернера Гейзенберга, размышления, основанные на единой системе координат и искренней убеждённости в непогрешимости и окончательности научной картины мира, выглядели не только устаревшими, но и насквозь наивными. Попытка опровержения существования Бога не удалась. Да и как могло быть иначе? Системы атеистических доказательств сводились к научным реинтерпретациям фактов всевозможных «священных книг» и поискам исторических параллелей, причём оставаясь, во-многом, лишь гипотетическими. Что же касается сугубо онтологических сфер, в которые религия традиционно и помещает представления о Боге, то куцый материализм, чей мир - атомно-молекулярный «аквариум» размером с Космос, вовсе не был способен ничего объяснить или опровергнуть, поскольку методология научного атеизма попросту не «дотягивалась» до рассмотрения сфер, лежащих за пределами данного нам опыта. Не воспринимаемое и не регистрируемое никакими приборами предполагалось вообще не существующим.

Фактически, религия и материализм не находили никаких общих сфер пересечения в силу того, что представляли (и представляют поныне) принципиально разные системы отсчёта, согласующиеся лишь в одном - ни

априорные постулаты религии, ни априорные постулаты материализма не удовлетворяли критерию научности Поппера, поскольку не могли быть математически доказаны, либо опровергнуты в своей первооснове. Материализм оказался ещё одной парадоксальной «верой». Провал и последовавший за ним кризис научного атеизма надолго отвернули учёных от попыток доказать или опровергнуть существование Бога во Вселенной - сейчас в серьёзной научной среде рассуждать о подобных вещах как-то вроде бы даже неприлично: посмотрят, как на идиота и поднимут курам на смех. И вроде бы нигде не оговорено вето на подобные рассуждения, но страх учёного по уши увязнуть в трясине метафизики настолько велик и реакционен, что, кажется, почти никто не заметил, как человеческая цивилизация «тихой сапой» подошла к тому качественному уровню познания в науке и философии, когда появилась возможность достичь хотя бы отблеска сфер непознанного, всецело лежащего за пределами любого опыта и любых словесных конструкций.

Конечно, семантическое описание таких вот «отблесков» на любом языке землян обязательно вызовет уйму искажений и перекосов в восприятии данных идей, но это всё же лучше, чем не двигаться вовсе. Нужно сделать лишь шаг, заглянуть за грань - и увидеть, есть там какой-то Бог или вообще никого нет и даже искать некого. Вот я и попробую сделать этот шаг. Кто-то же должен начать, а там уж видно будет, куда способна затянуть сия вереница идей и восприятий. Естественно, вопросы о «божественности» или «природности» мироздания не могут обсуждаться отдельно от вопросов, затрагивающих церковь и религию в целом, если мы хотим достичь хотя бы относительной комплексности и максимальной объективности совершаемого обзора.

Тот факт, что религия и государственность взаимосвязаны непосредственным образом, ни у кого уже давно не вызывает особых сомнений, да и самая мысль эта настолько кажется банальной, что набила оскомину у каждого, кто более или менее подробно пробовал задумываться на рассматриваемую нами тему. Во времена становления религиозных систем, они обязательно должны были выдержать «поверку на лояльность и пригодность» в качестве общегосударственной идеологии. Действительно, что ещё способно было призвать целые народы к порядку и унифицированным проявлениям жизни, как не откровения «данные свыше»? И чем в большей степени эти самые «откровения» были ясны и понятны для среднестатистического интеллекта толпы, и чем более казались подобны закону, не предполагающему множественности толкований, тем было лучше для государства.

С другой стороны, религии вынуждены были следовать и диаметрально противоположной задаче - мистифицировать собственные послания, дабы таковые не казались слишком уж человеческими, зато внушали сокровенный трепет перед «мудростью божественной». Именно тонкий и гармоничный баланс между внушаемым народу чувством «высокой запредельности», вкупе с обещаниями «райских кущ» (Абсолюта, Пустоты, Самадхи, Нирваны - опционально), и столь же высоким уровнем общественной полезности являли собой ведущий критерий отличия «годной» религии от бесполезной. По этой причине запредельная метафизика даосов, дошедших чуть ли не до квантовых

идей ещё две с половиной тысячи лет тому назад, проиграла конфуцианству, закабалённому условностями непрерывного ритуала и повсеместной упорядоченности. По этой же причине местным языческим верованиям в Киевской Руси пришлось уступить насаждавшемуся тогда христианству.

Таким образом, теософия стала, своего рода, до-законодательной юриспруденцией, а сама религия - сборником ранних форм кодексов, нарушать которые у народа не возникало никакого желания, ибо писания внушали «страх, ужас и священный трепет». Однако необходимо обратить внимание и на знаковое отличие: религиозные постулаты распространялись не только на сферу внешних взаимодействий человека, но широко табуировали и многие особенности и возможности сферы психической, а повторяемый из поколения в поколение опыт подобного «ментального купирования», в итоге, приводил к однообразному, убогому и неполноценному восприятию реальности, в котором единственным доступным человеку набором действий оказывались те, что некогда попадали в область разрешённых. Запрещённые же вовсе выходили за пределы описания, а значит, переставали существовать как часть данного людям повседневного опыта.

И если среда нигилистических религий Востока ещё более или менее формировала в ограниченных областях «ментальных скитаний» у своих последователей опыт трансцендентального восприятия, являвшийся неотъемлемым элементом местных религиозных практик, то идеалистические религии Запада жёстким табуированием любых изменённых состояний сознания сузили у людей воспринимаемую область мира практически до минимума, во-многом заложив предпосылки к технократически-материалистическому пути развития цивилизации. Да, сколь бы ни было абсурдно это утверждение: именно христианская система мировоззрения сложила все предпосылки для разгула воинствующего материализма. И общество, спозиционировав своим запретом на ИСС единую универсальную комплексную систему перцептивных объектов и их взаимосвязей, утвердило за этой системой статус «абсолютной нормальности», начав воспитывать вместо личностей ментальных инвалидов, не только неспособных в большинстве своём на самостоятельное восприятие массивов информации, лежащей за пределами опыта повседневности, но и всячески отстаивающих данный им опыт в качестве единственной «окончательной» действительности, за пределами которой нет ничего, кроме фантазий и галлюцинаций визионеров, обретающих с подобных позиций, конечно же штампованный статус параноиков, шизофреников, да и вообще безумцев.

Как мы видим, религия на государственном уровне всегда выступала и выступает инструментом подавления, устрашения, «умственного обрезания», а заодно - отдушины для толп народных масс. Чем более шатки дела в самом государстве, тем больший размах поповского мракобесия и религиозной паранойи в народе мы наблюдаем, и тем больше подобные явления спонсируются да и вообще всячески поддерживаются на общегосударственном уровне под видом «развития духовности и нравственности». Следует помнить, что никогда и ни при каких условиях государство не нуждалось и не нуждается

в наличии широких общественных масс высокоразвитых личностей. Нет же. Дайте государству 95% «Шариковых» и оставшиеся 5% «Преображенских» - и это будет поистине сильное и хорошо организованное государство, ибо стаей дворняг управлять должны вожаки. Но государство, состоящее из сплошь высоколобых интеллектуалов - это утопия, поскольку никакие лозунги и идеи не спасут структуру от развала, если эти идеи не принимаются на веру и рассматриваются именно в качестве того, чем и являются - выгодных и удобных инструментов по контролю за сознанием народной толпы. И, что ещё важнее, по контролю за направленностью луча внимания таковой, ибо даже погрязшая в глубоком кризисе страна при умелом подходе в управлении создаёт у своих жителей вполне искреннее впечатление процветающей империи, что человечество и наблюдало на примере нацистского режима в Германии Третьего Рейха или в фашистской Италии.

В условиях кризиса религия - даже не щепка, а целое бревно, за которое может зацепиться государство, дабы не утонуть окончательно, поскольку упорядочивает жизнь и обеспечивает должный уровень «анестезии» народных умов. Нам сложно обвинять правителей в использовании эффективных средств управления, учитывая, что управление и строится на запугивании и на всевозможном подавлении. С такой позиции, от института церкви мало чем отличаются СМИ (причём как официальные, так и оппозиционные, ибо тот же маразм, вид сбоку), страшающие людей разными катастрофами, регулярно происходившими, происходящими и будущими происходить, о чём несложно догадаться на основе оценки масштабов Земли в сопоставлении с элементарной вероятностной логикой.

Пропаганда, наступающая нас через кинематограф, гораздо «тоньше» рупора новостных лент, но оттого ещё деструктивнее, поскольку рассчитана на выработку стереотипов эмоционального и действенного реагирования в то время, когда человек оказывается расслаблен, не особо внимателен и потому открыт для частичного реглоссирования. В общем, религия для государства - «молоток и гвозди». Там, где религия неприемлема, её легко заменяет идеология. Возникает закономерный вопрос: а что позволило религиозному чувству народных масс обращаться то в кнут, то в пряник в руках правительств? Значит, копаем глубже в историю.

Некогда в Древности человек отошёл от условных рефлексов, отделил себя от мира и принялся не столько приспособливаться к среде обитания, как это делают животные, сколько приспособивать среду под себя. Именно в разделении «я - не я» и оказался зарыт корень самой ранней стадии рефлексии, зародыш сознания и предпосылка для последующего социального, духовного и научного развития человечества. Способность к самосознанию и активному эмпирическому постижению среды обитания, а вовсе не вынужденный труд, выделили людей из животного мира. Причиной появления саморефлексии, вероятно, послужило развитие мозга, а труд стал уже следствием двунаправленного процесса активной адаптации среды к биологическому виду и вида - к среде.

Другое дело - что конкретно послужило причиной роста мозга и

качественного перцептивного скачка? Медленные и постепенные мутации вкупе с естественным отбором, ставшие вдруг пригодными ввиду изменяющихся природных условий? Быстрые локальные мутации, оказавшиеся выгодными для имеющихся условий и потому распространившиеся на широкий ареал обитания? А может, необходимость быстро бегать от хищников, приведшая вследствие естественного отбора к наращиванию головного мозга как органа охлаждения? Или предок австралопитеков просто обожрался психотропных грибов, получил своё обезьянье просветление и на шаг приблизился к сознательности человека? А может, вообще всё сразу вместе взятое и выше перечисленное? Мы не знаем точного ответа на поставленный вопрос, можем лишь предполагать. Но на деле - это и не столь нужно знать.

Зато следует обратить внимание вот на что. У первобытных сообществ начинающего свой самый ранний путь человечества, помимо выживания, стояла задача означивания мира: саморефлексия породила инстинкт исследователя, а от эффективности проведённого «исследования» зависела выживаемость всей группы. Но для того, чтобы закрепить и передать опыт, разумеется, требовалось создать некую знаковую систему, иначе как объяснить соплеменникам, к чему нужно стремиться, а чего избегать даже на самом элементарном уровне: вот эта ягодка вкусная и сладкая, а от этой придётся долго засиживаться в отхожем месте, от этой лягушки деревенеют ноги и темнеет в глазах, а от этой перед глазами пляшут разноцветные картинки.

С появлением знаковых систем среди людей выделились те, что обладали более сильным осознанием по сравнению с прочими. Можно предположить, что повышенный объём осознания приводил к более эффективным формам действия, а, в результате, к лучшей выживаемости племени в целом. Но эта же особенность психики породила возможность получения перцептивного опыта, недоступного другим членам племени в силу как их индивидуальных биологических обусловленностей, так и особенностей уже созданного описания мира. Именно поэтому на ранних этапах развития человечества сакральные шаманские функции, обеспечивавшиеся объёмом осознания, и административные функции вождя, вынужденного выбирать максимально эффективный образ действия, были слиты воедино и представлены одним и тем же человеком: усиленное осознание вело за собой особую эффективность действия, одно плавно перетекало в другое.

Мы не должны, следуя за марксистами, утверждать, что, якобы страдавшие психическими недугами жрецы и шаманы специально морочили головы классу пролетариата (понятия не имевшему, что он - пролетариат), дабы паразитически захватывать себе функции управления. Человек, умственно неполноценный и неспособный реагировать на изменения в окружающей среде соразмерно с текущими требованиями общества, никогда бы не стал во главе такового. Выбор вождя был выбором между выживанием и гибелью. Вполне естественно и закономерно, что, обладая аморфным и плохо структурированным описанием мира, зато живым опытом восприятия, древние прагматичные исследователи и мистические «странники по запредельному» склонны были находить и называть некие повторяющиеся закономерности,

становящиеся для соплеменников «откровениями свыше», ибо соплеменники зачастую не могли дотянуться до того же опыта, а потому имели все условия, чтобы мнить просто недоступное им «запредельным».

Можно предположить, что опыт шаманов, как данность, выходил за пределы мифов в сферу чистой чувственности и безличности, в то, что сейчас мы именуем безмолвным знанием, однако же, как придать форму бесформенному и назвать неопишное? Поэтому в сферу мифов попадало, прежде всего то, что служило упорядочению общественной жизни, а сам порядок предполагался тождественным миропорядку, поскольку исходил из шаманских откровений. Люди, тем не менее, не склонны были учитывать (как не склонны и поныне), что часть правды - хуже лжи. Те бесконечные искажения, наслаивающиеся друг на друга, что порождало мифотворчество, дополнявшее племенной миф из поколения в поколение, предопределили складывание человеческой картины мира, постепенно отдаляя Реальность от людей кажущейся ясностью имеющегося описания.

Поскольку означиванию подлежало лишь то, что было в той или иной мере практично, а практика жизни структурировалась мифологическими системами, посему язык был не просто характерной для высших приматов знаковой системой. Это был язык мифа. С течением времени оба указанные явления развивались: язык складывал инвентарный перечень объектов окружающей среды, а миф постулировал схему общепринятого перераспределения внимания, в том числе формировал в людях разные стороны «образа себя» - относительно общества и относительно самого субъекта восприятия. Внутренняя структура указанной схемы подменила абстрактный хаос перцептивных блужданий, характерных для живого визионерского опыта, а «ярлыки называния» заменили собой содержимое восприятия, породив наборы однотипных галлюцинаций образов в отношении окружающей среды.

К этому времени шаманов уже начали заменять жрецы культов, зачастую сами запутывавшиеся в смыслах и целях проводимых ими ритуалов, а опыт не опосредованного описанием восприятия перестал, как правило, быть доступным с той лёгкостью, с которой он был потенциально доступен ранее, даже для самих жрецов. Виной тому - отнюдь не «потеря райских куш», а закономерная и постепенная эволюция человеческих функций психики и структурированного описания мира. Человек не отдалялся от Реальности, он по-прежнему был и остаётся целиком и полностью погруженным в Бытие. Диссоциацию от мира обеспечил сам тип восприятия, социально воспитываемого и прививаемого всем и каждому с самых ранних лет. Это же повсеместное торжество схем разума и логики, основанной на «инвентарном списке» ума и сделало данную нам Вселенную донельзя обозримо конкретной, ясной, чёткой и предметной.

А как же иначе-то? Всё то, что не попадало под категорию предметности и не укладывалось даже на задворки луча внимания, перераспределённого контурами человеческих мифов, просто переставало быть содержимым восприятия вовсе, а значит, исчезло из мира людей. Став максимально ярким и однозначным, мир просто перестал для нас существовать в качестве прямой

данности. Точнее - он не был нам дан таковым и ранее, но развитие интеллекта, усилив схематичность перцептивного процесса, ещё более сузило область воспринимаемого, ещё больше отдалив человечество от эффективного взаимодействия на уровне открытых систем - биологических, физических, химических, экологических и энергетических. Та дурная механистическая повторяемость серых будней, от которой так или иначе страдает, по-видимому, большая часть человечества, определяется отнюдь не цикличностью вселенских закономерностей, а повторяемостью схем, по которым скользит луч нашего внимания в постоянно изменяющихся потоках существования. И здесь не играет роли, произвольное это внимание или же непроизвольное - рамки общепринятого описания «разделяемой реальности» таковы, что в пределах этих рамок особо не разгуляешься, а за пределы выйти и вовсе не дано без использования особых приёмов и техник «хакерства ума».

Именно вот в этой точке нашего рассуждения мы вплотную подходим к закономерному объяснению причин антропности планеты Земля и наблюдаемой Вселенной, что, обычно, религиозными деятелями рассматривается как ещё одно «неопровержимое» доказательство существования «божественного провидения». Речь здесь идёт об изоморфности человека среде, кажущейся «подстроенности» всей природы под удобство существования человечества, гармоничности всего разнообразия природных процессов, познаваемости и интерпретируемости даже процессов в космических масштабах. Но подумаем, исходя из всего вышеописанного, насколько может быть иначе? Вполне логично, что среда обитания и человек соответствуют друг другу, ибо миллионы лет эволюции не прошли даром, эта же среда порождает систему отсчёта, кажущуюся человечеству «единственно верной»: представления о красивом и отвратительном, и полезном, бесполезном и вредном, о добре и о зле, опираются, в конечном итоге, на особенности того лона природы, откуда вышел человек.

«Гармоничность» здесь - понятие сугубо относительное и всецело зависящее от выбранной системы отсчёта. Пригодное и приятное, улучшающее качество жизни и доставляющее удовольствие для человека вовсе не обязано быть таковым для другого существа. Попробуйте, например, оценить качество жизни в роскошной вилле на Багамах с точки зрения кенгуру, осьминога и кедра. Даже учитывая то, что мы не имеем никакого опыта восприятия, как у кенгуру, осьминога или у дерева, полученных ментальных построений вполне должно хватить для понимания невозможности применения антропной системы отсчёта для кого-либо, кроме человека. Нам же природа кажется гармоничной именно потому, что мы родом из этой самой природы.

Вообразите себе флору и фауну где-нибудь на другой планете. Она может быть не менее «экологична» в плане взаимодействия живых организмов внутри подобного биоценоза. Другой вопрос - покажутся ли нам «гармоничными» и содержащими «искру божью», какие-нибудь ползающие хищные растения, стреляющие серной кислотой, источающие облака неровно-паралитического газа и питающиеся на обед набожными проповедниками, прилетевшими с Земли с миссионерскими целями? Я так не думаю. Хотя для присущей им

системы отсчёта инопланетяне могут посчитать собственную среду обитания не менее гармоничной, чем земляне - свою, кто уж где взрастал, так сказать. Что же до антропности процесса познания, но на крючок этой логической загвоздки попадают даже учёные, задающиеся вопросом, который примерно можно сформулировать таким способом: «Почему исследуемая нами Вселенная принадлежит диапазону человеческого восприятия?» Предполагается, что мы можем воспринять звёзды, так как они излучают в зримом диапазоне, произвести математические расчёты всевозможных аспектов окружающего мира, пользуясь человеческой логикой, так, что складывается впечатление, будто не только Земля, но и вся Вселенная специально создана для нас. Это ложное впечатление, хотя здесь мы видим поистине хитрую логическую ловушку, которую создаёт человеческий разум, сам же в неё и попадая, что становится благодатной почвой для всевозможных беспочвенно-метафизических спекуляций религиозного толка.

В чём же здесь дело? Попробуем вместе разобраться. Во-первых, к указанным эффектам привела уже упомянутая адаптация биологического вида, оттачиваемая в процессе эволюции. Те сигналы, что способны были сообщить нам через органы чувств наибольшее количество информации, потенциально способствовавшей повышению выживаемости, оказывались в приоритете перед менее информативными, поскольку, следуя принципу естественного отбора, как раз и выживали те приматы, что имели способность получать наиболее информативный с точки зрения адаптационных требований сигнал. Так что нет ничего удивительного, что ко времени зарождения религий человечество уже имело перед собой вполне определённо удобный «срез реальности», наиболее пригодный как для обитания, так и для восприятия. Во-вторых, степень рациональной познаваемости мира в границах научных критериев оказалась прямо пропорциональной степени развития человеческого описания.

Попробую объяснить сказанное. Антропность перцепции данной нам области существования потому и выглядит настолько выпуклой, что определяется границами описания. Это, с одной стороны, заставляет учёных думать, что «нам повезло», поскольку, условно говоря, за пределами диапазонов видимости Космос не столь ярок и не столь насыщен объектами, не говоря уж о таинственной «тёмной материи», природа которой до сих пор не раскрыта окончательно, хотя она и составляет большую часть просчитанного учёными мироздания. С другой стороны мысли о предельной «насыщенности» нашего «среза мироздания» выглядят явственно «притянутыми за уши», поскольку мы не знаем, что же именно лежит за пределами доступных измерений.

Для некоторых учёных, как было сказано в самом начале статьи, неизмеримое кажется не существующим вовсе. Но проблема здесь только в том, что любые приборы, сколь бы сложными и совершенными они не были, принципиально не способны выйти за пределы полезности для человеческой перцепции и интерпретации: в любом своём проявлении они опираются на нашу логику и транслируют данные, предназначенные для тех или иных органов чувств. Мы не знаем восприятия, которое не зрение, не слух, не осязание, не обоняние, не вкус и даже не мысль, ощущение или интуиция. Даже

учитывая ограниченность собственных систем восприятия, мы можем предположить наличие ещё большего «нечто», неинтерпретируемого нами и создающими срез Бытия не менее «яркий», чем реальность, данная нам в опыте.

Итак, наблюдаемый человечеством антропный принцип Вселенной целиком и полностью оказывается фикцией, построенной на ошибках логики общепринятого описания. Любители мерить человеческими рамками всё сущее, обычно основывают свою систему доказательств на самой принадлежности человека Бытию, указывая, что мы целиком и полностью следуем законам мироздания и не можем идти против этих законов, поскольку являемся лишь исключительно малой частью такового. С этой половиной рассуждения трудно поспорить с каких угодно позиций - хоть с религиозных, хоть с научных, хоть с философских. Однако дальше следует очень странный вывод: мол, раз люди и мироздание - едины, следовательно, всё человеческое объективно распространяется на всю Реальность. То есть, с позиций подобных мыслителей, «глубокой реальности» приписывается морально-этический принцип. Далее, как правило, следуют мудрёные спекуляции поучающего толка о «духовности» Космоса как проявления «высшей божественной воли», сакральности заповедей и постулатов «писания» - ну и так далее и всё в таком же стиле.

Логично, но только на первый взгляд. А на второй - бред. Вдумайтесь: даже на совершенно примитивном бытовом уровне часто ли отдельный элемент целостной системы несёт свойства, целиком и полностью принадлежащие всей системе? Гораздо чаще - как раз напротив - отдельный элемент системы несёт в себе набор неких уникальных свойств, который и определяет особенность этого элемента в качестве характерной структуры. Вот возьмём автомобиль. У автомобиля есть фары. Они, к примеру, круглые, прозрачные, стеклянные и нужны для того, чтобы источать свечение. Если следовать вышеуказанной логике, то и весь автомобиль у нас тоже круглый (то есть плоский, двумерный), сделан из прозрачного стекла и предназначен для генерации фотонов. Это вообще автомобиль получился? Получилась ещё одна фара.

Обладая лишь одной позицией отсчёта, мы не можем судить об абсолютности любых доступных нам категорий, поскольку иные системы отсчёта должны иметь (и, имеют!) иные характеристики и способы внутренних взаимосвязей. Как уже было упомянуто - человеческое пригодно лишь людям. Отсюда следует совершенно непростительный с точки зрения классической механики вывод: наша перцептивная Вселенная, данная нам в ощущениях (что и определяло реальность как таковую в материализме, а по сути - не определяло ничего, кроме не требующей доказательств способности человека к процессу восприятию), существует для нас и исчезнет вместе с нами, поскольку порождается нами! Если завтра исчезнет человечество, то - оглянитесь - всё, что вы видите вокруг, тоже исчезнет. Никогда не будет существовать зелёных трав и раскидистых крон деревьев, пушистых зверей и белоснежных альбатросов, парящих в лазурной выси под облаками, следуя за воздушными потоками.

Нет, это не солипсизм. Просто некому будет их увидеть и описать с человеческих позиций. Здесь будут другие миры: миры трав, деревьев, зверей и альбатросов - у всех по отдельности свой. У нас с ними есть некие общие черты

- мы взаимовоспринимаемы, а наличие взаимного резонанса восприятия делает наши миры хотя бы частично пересекающимися. Другое дело - существа, принадлежащие обширным областям Реальности, лежащим «по ту сторону» от результатов нашей перцепции. Когда-то их развитие «плясало» от совершенно иной зоны сущего, выделенной в качестве главной и лёгшей в основу их миров. Они чужды нам настолько, насколько мы даже, как правило, оказываемся неспособны представить - в них нет ничего человеческого, поскольку мы напрочь не пересекаемся в резонансах. Каждый - равноправный обитатель своего мира.

Даже какой-нибудь инопланетянин ближе к человеку, поскольку принадлежит его перцептивной зоне, нежели существа, обитающие «по ту сторону». Их миры поэтому для нас - подлинно параллельные, хоть они и не «где-то там», а очень даже здесь, прямо у нас под носом. Но, опять-таки, существа «чужие» отнюдь не в экзистенциальном смысле. Они чужды именно нам, нашей системе отсчёта, а в экзистенциальном смысле мы все - люди, сущности и инопланетяне - равноправные структуры Реальности, и миры наши качественно несопоставимы в целом, а только лишь относительно и потому равны, ведь для любого сопоставления качеств требуется наличие системы отсчёта, содержащей некие качества для сравнения. Здесь же любые критерии иерархичности, систематизации, измерения и анализа принципиально оказываются неприменимыми на практике.

И тогда мы вплотную подходим к вопросу о «глубокой реальности» - называемой так квантовыми физиками первооснове любых систем отсчёта, то есть лежащей в основе любых миров - масок, надетых на кусочек сущего, манифестирующих одну из бесчисленных форм перцептивного резонирования с мирозданием. Для идеалистически настроенных теософов-пантеистов «глубокая реальность» видится тождественной Абсолюту, в котором мнится высшая форма проявления божества, оказывающегося, в свою очередь, тождественным самой Реальности. В данной позиции рассуждений мы опять упираемся в проблемы трансляции между формальным словесным описанием и действительной передачей смысла знания. Разум - уже человеческая категория, предполагающая особый тип логики, наличие помыслов, строящая планы относительно объектов, распределённых в рамках пространственно-временного континуума, категория, способная на эмоции и наделённая особой формой морали. То есть наша собственная форма, наша ограниченность, то, что делает нас людьми и позволяет нам называться таковыми.

Нечеловеческий разум - не разум вовсе, а нечто для нас совершенно парадоксальное и абсурдное, поскольку не укладывается ни в какие рамки описания, совершенно чужеродное и непостижимое. Это нечто не отвечает признакам, которые мы готовы распознать в качестве разума, следовательно, оно - не разум, а что-то неопределимое, чему вообще нет слов человеческих языках. Недоступный нам опыт резонансного взаимодействия с обуславливающей его локальной средой - вот и всё, что мы можем сказать. Если хотите, можно сравнить «глубокую реальность» с операционной системой, с той лишь разницей, что компьютерные системы принадлежат сфере

человеческой логики, а реальность - нет, мало того, она неизмеримо сложнее устроена. Тем не менее, сходство нельзя не заметить.

Операционная система так же активно реагирует на всевозможные взаимодействия, а значительная часть процессов происходит в фоновом режиме, за пределами восприятия пользователя. Однако это вовсе не говорит о какой бы то ни было степени «разумности» системы - она следует в бинарных кодах скомпилированным алгоритмам входящих в её состав программ, а обширные возможности и вариативности взаимодействий определяются наличием огромного числа алгоритмов, а отнюдь не наличием самосознания. Повторюсь - это всего лишь метафорическая модель, крайне далёкая как от точности выражения, так и от действительного положения вещей. Реальность проще и сложнее одновременно.

По сути, можно объяснить не-разумность Вселенной и иначе. Понятие разума у человека всегда было вплотную связано со способностью к рефлексии - проще говоря, разумно то, что сознаёт себя в системе субъектно-объектных взаимоотношений. Оно и неудивительно. Как уже упоминалось в статье, человеческий разум опирается на свойство рефлексии, на самую возможность отличать себя от мира. Нет ничего странного в том, что под понятием «разума» у других существ мы также ищем, прежде всего, ту же способность осознавать себя, что и сделала, можно так сказать, из обезьяны человека. Но «глубокая реальность» сама по себе лишена каких бы то ни было точек отсчёта, поскольку наличие любой позиции предполагает, прежде всего, отсечения всех прочих позиций, самоограничения, формирования «квантового коридора», здесь же все позиции равновозможны и равнозначны, ни одна из них не превалирует, предпочтений нет. «Глубокая реальность» - высшая степень проявления всех вероятностей, «сияющее ничто». Ибо как ещё дано человеку воспринять довлеющее то, что упорядоченно воспринято быть не может, поскольку не подходит ни к интерпретационным схемам «инвентарного списка», ни к доступной «пропускной способности» интеллекта по отношению к максимально допустимому количеству информации, обрабатываемой в единицу времени?

Именно в силу раскрытия всех потенций, существование субъектно-объектных взаимосвязей как характеристики «глубокой реальности» невозможно - или речь будет идти об одной из вероятных систем отсчёта, то есть о «туннелях реальности». Кроме того, мы не можем предполагать наличия у «глубокой реальности» вообще хоть каких-то характеристик, доступных нашему пониманию и интерпретации. Она - абстрактна и бескачественна. Более или менее ей ещё соответствует определение «хода всех вещей», «Дао», но никак не разумный «божественный Абсолют». Ибо принципиальная невозможность формирования субъектно-объектных позиций ведёт к невозможности появления рефлексии, поскольку отсутствуют главные её элементы - то, что отражает, и то, что отражается. А отсутствие рефлексии приводит к невозможности наличия самосознания как базы для становления и развития любого разума по определению.

Даже касательно представлений о самой возможности развития разума,

мы попадаем в типичную ловушку общечеловеческой системы координат. Линейность течения времени - точно такой же элемент нашей адаптивной способности в мире, как и трёхмерность пространства человеческой области существования. По сути дела, пространство и время - ещё одни наши базовые чувства, которые следовало бы поставить в один ряд со зрением или осязанием. Как существа из совершенно иных систем отсчёта переживают восприятие пространства и течение времени, да и есть ли у них эти категории вообще, или они не используют данные свойства потоков действительности? Возможно, их «время» напомнило бы нам порывы ветра или пульсирующее изменение в освещённости. Наверняка сказать нельзя. Но ясно одно: «глубокая реальность» не имеет ни выраженных свойств, ни характеристик, ничего не воспринимает и ничего не ощущает, в ней вообще нет ничего человеческого, и, кроме того, не будучи способной рефлексировать, она не разумна.

Разум (чем бы он ни был в образах человеческих представлений и «способов говорить») - это всегда локальные и ограниченные «колыхания» отдельных «резонансных струн» мироздания, и именно отдельность и ограниченность делает разум разумом. Фраза «Абсолютный Разум», под которой часто понимают Бога, лишена всякого смысла, поскольку противоречит сама себе: абсолютность, как уже было показано, делает разум невозможным, а если он разум, то он уже не абсолютен. Так же очевидным оксюмороном выглядит фраза «Высший Разум». Высший относительно какой системы координат? А относительно другой - он какой. Выберите один вариант по вкусу: такой же, другой, низший, аналитический, искусственный, никакой, не разум, разум не, авокадо в горохе под соусом из персиков.

Несомненно, формированию религиозных представлений во многом поспособствовали архетипические видения, посещавшие людей в течение всего срока цивилизационного становления. Вполне закономерно, что на уровне развитого мифа, то есть, описания мира, видения имели значительную мифотворческую силу, определяя содержание новых видений у последующих поколений визионеров. Получался замкнутый круг - миф провоцировал галлюцинирование определённым типом архетипических образов, а образы вели к появлению новых ответвлений мифа. Главным источником подобного рода восприятий я полагаю спектр сновидческих состояний, связанных с активной работой осознания. Так, в научных экспериментах, проведённых на тысячах добровольцев Михаилом Радугой, исследователем данной направленности состояний сознания и последователем идей психолога Стивена Лабержа, удалось получить реалистичное восприятие и ощущаемое взаимодействие с различными «сущностями» - от инопланетян до ангелов - в зависимости от задач, поставленных перед испытуемыми.

Естественно, здесь идёт речь именно о перцептивных феноменах. Если содержанием сознания и вектором намерения является встреча с «божественными силами», то при вхождении в ту или иную форму осознанного сна (при котором человек часто полагает, что находится в бодрствовании - ложные пробуждения), велика вероятность получения именно такого опыта. Он может сопровождаться всевозможными откровениями и разнообразными

экстатическими чувствами, что дополнительно укрепляет веру, подстёгивает мифотворчество и вселяет уверенности, что «мысли о Боге устремляются в дали небесные и ведут ко встрече с высшими силами». То, что «божественное», обретенное в подобном опыте, может быть чем угодно, начиная от банального сновидческого галлюцинирования, демонстрирующего всю мощь и почти тотальную «непробиваемость» наших схем восприятия (а чаще всего именно оно и случается), и заканчивая влияниями существ, обитающих в иных «туннелях реальности», в иных «квантовых коридорах», резонансу с которыми мы сами становимся открытыми в силу того, что, смещая позицию своего восприятия в сновидении, попадаем на грани зон миров, в которых эти существа являются естественными обитателями, как мы - обитатели Земли.

Так или иначе, сказать можно здесь лишь одно - мы не знаем со всей определённости, какая точно действительность стоит за видением «ангелов» и «богов». В лучшем случае - некая «кособокая» интерпретация крохотной части «глубокой реальности», части, лежащей обычно вне нашего опыта. Искажения пропорциональны степени не-человечности того нечто, которое наш разум пытается приспособить под рамки элемента из перечня описания, найдя какое-либо, даже отдалённое сходство. В худшем случае - это видения «без опоры», пустые модели конструктов ума, замкнутые сами на себя. Наивно, нелепо и крайне опасно считать воспринимаемое тем и только тем, чем оно нам кажется. К бодрствующему миру повседневности это зачастую также относится. Эти встречи с «ангелами и бесами», в конечном счёте, как мы выяснили, вовсе не являются доказательством существования таковых.

Другое дело - встреча с человеческим шаблоном, с той общей структурой, что в равной степени характерна для каждого человека, является его неотъемлемой частью и составляет фундамент для взращивания личности как уникального искажения, присутствующего в разуме и отличающего психику одного человека от психики другого. Можно (весьма, кстати, условно) определить человеческий шаблон как архетипическую персонализацию коллективного бессознательного, актуального на текущий момент времени, потенциально воспринимаемую человеком при достижении частного случая ИСС, характеризующегося резонансными явлениями, осуществляемыми между человеком и областью «глубокой реальности», включающей в себя информационно-энергетическую форму человека.

Индивидуальность есть ограниченность. В человеке по одну сторону от индивидуальности - растворение эго в полной безличности Нирваны, не несущее, в общем-то, ничего, кроме смерти, ибо исчезает субъект и объект, по другую же, внутреннюю сторону от личности лежит человеческий шаблон, по сути, то, что и есть именно Человек, но уж никак не Бог. Шаблон может обретать в сновидческих состояниях архетипические черты, переживаемые именно как встреча с неизмеримо сильным, прекрасным, заботливым, мудрым и исключительно светлым существом. То есть вылитый Бог.

Сущность человеческого шаблона насквозь антропоморфна, в ней не просто нет ничего чуждого, она в силу сути своей близка каждому человеку на Земле. Именно в нём я вижу источник глубинного религиозного чувства,

питающего мировые религии на протяжении тысячелетий и заставляющего некоторых индивидов утверждать даже, будто «чувство Бога - это врождённое качество человека». Не совсем. Шаблон - характерная схема обустройства человеческого разума, вытесненная всё тем же разумом на трансперсональный уровень. Как читатели, наверное, уже поняли, шаблон не имеет больше ни к чему отношения, кроме как к людям, ибо он - самая непосредственная манифестация человеческих существ во Вселенной и вплотную взаимосвязан с восприятием нами «мира людей» как отражения современной формы сознательных стереотипов и глосс и бессознательных архетипов и импринтов, носителями которых мы и являемся.

Мне довелось несколько лет тому назад пережить перцептивный опыт встречи с человеческим шаблоном лично (по крайней мере, высока вероятность, что это он и был, исходя из целого ряда признаков и характерных черт). Данный поистине впечатляющий опыт был подробно описан в моей предыдущей статье «Проблемные вопросы формы сознания...» Для человека, хоть на полграмма религиозного, после подобной вот «встречи» одна дорога - в монастырь. Если, конечно, он беспрекословно верит сигналам и интерпретациям своих органам чувств, что для трезвомыслящего визионера - недопустимая роскошь. Насколько нам видятся адекватными, в свете всех оговоренных идей, убеждения экстаиков Древности относительно реальности опыта, данного им в восприятии? Если жителям Древнего мира вполне простительно было идеализировать и мифологизировать свой опыт - и на нём выстраивать религии, то с текущих позиций накопления знаний о мире проявления подобных инерционности и реакционности мнятся не иначе, как сном разума всего человечества.

Убеждения, основанные исключительно на убеждениях. Вера, основанная на вере. И доказательная база, состоящая из набора перцептивных иллюзий и относительных позиций опыта, полученных в изменённых состояниях сознания, вкупе с целым «букетом» всевозможных логических и семантических ошибок, следующих из ограничений конструктов и содержимого действующего описания мира. Такова суть религиозного мифа. Что же до структуры, в особенности сугубо дихотомических в своей первооснове идеалистических религий, то она была более или менее описана и разобрана в уже упомянутой выше статье, поэтому повторяться не стану.

Любопытен факт, что изменённые режимы восприятия, будучи источниками всевозможных религиозных откровений и «божественных открытий», жёстко табуированы в идеалистических религиях как сферы исключительно заблуждений и бесобщения. Это противоречие не поддаётся разрешению здоровой логикой, как, впрочем, и многие другие стороны религиозной жизни. Здесь следует упомянуть лишь, что каждый христианский мистик, достигший так или иначе изменённых состояний сознания и получивший в данных состояниях некую «потустороннюю» информацию об устройстве мироздания, должен пройти своеобразную «проверку на святость». Если эта проверка пройдена, то откровения причисляются к «божественным», если не пройдена, то к «бесовским». Но точной границы между таковыми не

существует (и не может существовать в силу единого коренного источника - изменённых режимов восприятия - как для тех, так и для других «откровений»), конечное решение здесь принимают «официальные проводники горних сил на Земле», то есть духовенство. Действительно, кто канонизирует тех или иных «святых», как не Церковь?

Идеалистические религии Запада избрали в качестве базового инструмента изменения сознания, пожалуй, самый неудачный из существующих. Тогда как восточные философские школы, принадлежащие нигилистическим религиям («Убей Будду! Убей патриарха!» - один из известных лозунгов в дзен, то есть фактическое отрицание существования Бога за пределами представлений сознания о таковом), практикуют разнообразные формы деланий, неделаний, медитаций и визуализаций, сновидческие практики, как и различные школы йоги, то идеалистические религии Запада избрали всевозможные разновидности аскезы и самоистязания, и известный всем христианам пост - это ещё самая «мягкая» из указанных направлений религиозной практики.

Крайняя форма самоизнурения действительно способна спровоцировать изменение перцептивной позиции - но какой ценой? Организм всегда направлен, прежде всего, на выживание, поэтому жизненная энергия, обмен веществ распределяется таким образом, чтобы поддерживать те системы органов, бесперебойная работа которых необходима для осуществления самого процесса жизни. Изменение режима восприятия вследствие аскезы означает, прежде всего, достижение такой степени нарушения обмена веществ, при которой у организма остаются силы только лишь на поддержание работы органов, но не на поддержание качественной работы разума. «Обесточенное» описание мира становится шатким и «плывёт», восприятие переходит в упрощённый шадящий режим интерпретации, осознание становится снопоподобным, а «размягчение» интерпретационных схем порождает тип галлюцинирования, согласующийся с предшествующим содержанием сознания.

Фактически, аскеза - самый бестолковый и вредный способ обрести за несколько месяцев режим восприятия, которого достигали добровольцы в экспериментах Михаила Радуги максимум за три дня без какого бы то ни было вреда для здоровья. Естественно, аскет после стольких стараний и долгого превозмогания всевозможных неудобств, считал данный ему опыт наградой, «божественным даром свыше», не понимая, что смещение восприятия - это начинающаяся агония его собственного измождённого тела. Фактически, аскеза - это даже ещё хуже и вреднее, чем использование «растений силы», поскольку изменения в обмене веществ, происходящие в результате аскетических практик для получения одного-единственного трансцендентального опыта, могут достигать воистину колоссальных масштабов и быть необратимыми.

Отдельно необходимо бы отметить особую склонность идеалистических религий к агрессивной критике любых течений и учений, в том числе - и научного мировоззрения, которые не согласуются с постулатами самой религии. Именно в этом и заключена глубинная первопричина всей критики: если нечто принципиально противоречит сказанному в «писании», то, всенепременно,

объявляется религиозными адептами «ложным», «аморальным», «бесовским», «разрушительным» и так далее. Читатель, если захочет, и сам может выдумать уйму подобных эпитетов. Суть здесь в том, что сами религиозные постулаты и их кажущаяся для последователей «абсолютность» - не более, чем вопрос веры, упирающейся в саму себя. Вера, не подкреплённая доказательствами - вот фундамент всей критики, которую мы наблюдаем со стороны религии. Замыкаясь сама на себя, она теряет всякий смысл, стоит лишь устранить этот самый фундамент. И вновь опыт учёных и эзотериков, теряя свой «мрачно-дьявольский» в глазах верующих окрас, приобретает изначальную вне-человеческую бескачественность и нейтральность, свойственные самой природе Реальности.

Учитывая, что рьяно критикуемые верующими фанатиками направления мысли включают в себя идеи о человеческой естественности, получения радости от познания мира и жизни в нём, свободу от условностей сознания и восприятия, полной относительности и равноценности различных цивилизационных культур и их норм морали, безличности Вселенной и безграничности процесса познания, возможности и необходимости разностороннего саморазвития и приобретения тех или иных форм самореализации, ответственности за свои действия перед всем миром, терпимости, уравнищенности, трезвости и гармоничности восприятия - несложно понять, что именно эти качества в человеке религия полагает своими исконными врагами, поскольку они несопоставимы с идеей подчинения церковным организациям и зависимости от таковых.

Особенно показательными и одиозно абсурдными выглядят на этом фоне опусы одного христианского автора, известного как Терентий Эзотерик (Смирнов) или Странник. Тексты его книг и статей - рафинированная ересь в прямом смысле этого слова: они пестрят терминами, заимствованными из всех подряд учений и течений, причём суть его рассуждений всегда сводится к одному и тому же по одной и той же схеме: учение такое-то и такое-то есть чёрная магия, поскольку противоречит идеям православия, а если вы будете заниматься этими практиками, то обязательно попадёте в ад. Ничего принципиально нового, кроме едкой, желчной и неконструктивной критики на фоне общей личной нетерпимости к альтернативным взглядам на мироустройство Странник не привносит. Таким вот способом, он в «пух и прах» разносит подряд всё то, что не является православием, причём размах графомании и уровня параноидного бреда этого автора воистину уникальны, учитывая немалые объёмы и весьма характерное содержание его «трактатов».

Чтобы не быть голословными, приведём отрывок из статьи Терентия Эзотерика «Михаил Радуга, Фаза - Кто это, Что это?», посвящённой критике практик вполне официального и находящегося в научных рамках психологического направления исследования осознанных сновидений:

«...Люди не могут вернуться в своё тело, представляете??? Стоит ли говорить, что это «невозвращение» есть - Смерть?! А дело в том, что практика «фазы» по Радуге (причём «настойчивая»), подчас, так плотно

«изолирует» и «запирает» душу сновидца, что потом соединиться с телом становится очень трудно. А в некоторых случаях – невозможно! Конечно же, мы здесь рассматриваем (довольно распространённые!) примеры тех практикующих, которые в конце концов всё же «вернулись» в свои тела. Но я уверен, что есть и такие, которым это не удалось. «Кто» тогда об этом «расскажет» впоследствии и предупредит других???

Вы теперь понимаете всю демоническую силу и всё коварство М. Радуги? Вы осознаёте, ЧТО рекламирует, за ЧТО берёт деньги и на ЧЁМ наживается «фазер» Радуга? Причём в контексте его шизоидно-упрямой, маниакальной, навязываемой установки на разделение «вновь и вновь»: «ах, “вышел”, тотчас стремись туда снова...» Это торговля «смертью в рассрочку»!

... Нет, это не настоящая радость, не счастье, не блаженство любви. В этом нет ничего созидательного. Это сатанинское, извращённое познание тёмной, животной стороны человеческого «Я», и, собственно, сознания Дьявола... Как же духовно безграмотны люди! Ведь что есть, собственно, например, «превращение в животных»? Сама деградация! Человек умеет любить, сострадать, сочувствовать, помогать, сопереживать... (А Любовь есть бессмертие осознания!) Звери этого лишены.

И очень точно Дьявола принято изображать какой-нибудь антропоморфной фигурой с признаками диких зверей: клыки, когти, рога, шерсть... Эта «символика» есть очень точное выражение сознания Дьявола!..»

Ну и так далее, и тому подобное - в каждой статье Странника присутствует глобальное искажение фактов по всем фронтам, видеоизменённые трактовки сказанных разными авторами слов, вплоть до достижения смыслов, диаметрально противоположных первоначальному, обилие принципиально недоказуемых утверждений и бредовых идей, бессмысленных с точки зрения науки. Ту же судьбу, что и идеи М. Радуги, в трактовке Странника имеют и труды К. Кастанеды, А. Ксендзюка, Ошо, Шри Ауробиндо, Д. Андреева - и не только. Складывается впечатление, что если исходить от противного и избрать своей задачей постичь труды тех самых авторов, которых Странник столь яростно критикует, то о мире действительно можно что-то понять в самых общих чертах, на деле, конечно же, отдалённых от действительности «глубокой реальности».

Каждый аспект, каждая идея рассматривается у этого «святоши» с одной-единственной позиции христианской морали, фильтруется через сложенную две тысячи лет назад картину мира, как будто и не было за эти две тысячи лет никакого прогресса человеческого - ум Терентия дик и первобытен и он не понимает, по-видимому, что, субъективно обвиняя всех подряд авторов в наличии у них психических отклонений, сам выглядит не лучшим образом, генерируя нескончаемые потоки откровенной ахинеи и религиозного мракобесия. Что ж, мы можем посоветовать Страннику лишь одно - самому пропить курс каких-нибудь успокоительных и прекратить загаживать интернет ядовитыми выбросами своего графоманического словоблудия, смущая

неокрепшие умы начинающих визионеров, ибо идеи его, в сущности, деструктивны, поскольку направлены не на открытие нового, а на сокрытие и искажение известного - и именно таким способом он пытается возвыситься - ничего не создавая сам. Источник тому - сочетание упрямого, бессмысленного и беспощадного христианского табуирования ИСС с запредельным чувством собственной важности лично самого Терентия.

Фанатики вообще очень догматичны, при этом, кажется, не всегда осознают комичность собственного догматизма. Один не в меру православный петербургский преподаватель театрального искусства, помнится, удивил меня не только своим желанием возродить монархию царя-батюшки на Руси (тут-то как раз всё закономерно для многих верующих) или искренним убеждением, что «лучший из существующих политических режимов на Земле - это режим в Северной Корее». Нет, более всего он поразил меня своим подходом к рассмотрению большинства существующих знаний о мире в качестве «засорения ума» книжным знанием. Какое бы направление ни приняла беседа, его универсальным и самым любимым аргументом было утверждение, что знания и рассуждения собеседника неверны, поскольку получены из книг. Как минимум, подобная аргументация выглядит нелогичной в современном обществе: действительно, ведь мы же не пещерные дикари, вынужденные получать все знания о мире опытным путём с нуля, все мы учились в школах, техникумах или университетах, там же мы получали первичные навыки самостоятельного размышления, конструирования логических построений и создания выводы и заключений из рассмотренных закономерностей, и знание наше поэтому, преимущественно, книжное. Обвинять человека в том, что он читает книги и черпает из них знания - это всё равно, что обвинять человека в том, что он, собственно, является человеком.

Единственные идеи, которые не подвергались этим преподавателем сомнению, так это мысли из Библии и Евангелие. Так неужели это его мировоззрение - не книжное? Он что, родился со своим любимым Евангелие в голове? И с какой-то стати насквозь мифологичные «пронафталиненные писания» двухтысячелетней давности, собиравшиеся, утверждавшие и дописывавшиеся, к тому же, по кусочкам, различными представителями духовенства в течение более пяти сотен лет, вдруг оказываются предпочтительнее сведений, полученных из передовых современных научных исследований? Как бы там ни было, но религиозность, особенно идеалистическая - цепкая ловушка, из которой крайне сложно вырваться человеку, единожды в эту ловушку угодившему.

Во-многом, религиозное чувство, на мой взгляд, подстёгивается ещё «комплексом инфантильности», требующим иерархичности в мировосприятии и опеки «свыше»: человек настолько боится быть «на равных» с миром, что, желая спрятаться от невыносимого давления свободы выбора, ищет себе убежища, некоей психологической отдушины - и находит его в вере в Бога. Религиозный инфантилизм - не-трезвомыслие - напрямую связан с триединством базальных комплексов или, в терминологии К. Кастанеды, с неизбежностью - постоянному апеллированию к чувству собственной

важности, страху смерти и жалости к себе, надевающих настолько многовариативное число масок, что они начинают определять и упорядочивать не только религиозную, но и общесоциальную жизнь индивида, заставляя его постоянно балансировать между страданием и удовольствием, вызываемыми надуманными идеями, всецело искусственными и не имеющими никакого отношения к безличным первоосновам мироздания. Термин «небезупречность» в указанном контексте не имеет равным счётом никакого отношения к этике, его смысл лежит исключительно в плоскости разрешения вопроса получения и накопления излишков психической энергии, необходимой для достижения ИСС - и развития человека в целом.

Небезупречность ведёт состояние сознания к равновесному стазису, «закостенелости», лишая человека любых избытков энергии, способных спровоцировать получение опыта изменённых режимов восприятия и ослабляя уровень осознания до пределов, необходимых для биологического выживания. Пониженный уровень осознания, склонного к семантическому галлюцинированию символами и архетипами избранного учения и нахождению повсюду «подтверждений истинности» свой религии (как говорят в Интернете - синдром поиска глубинного смысла), не позволяет выйти за пределы описания и принять одну из многообразия прочих позиций и интерпретаций, а жёсткая фиксация восприятия в разуме, «обесточенном» комплексом небезупречности, создаёт иллюзию отсутствия выбора и априорности восприятия окружающего мира в качестве пространства, адекватно отражающего мироздание «как есть», то есть религиозные люди, как, кстати, и некоторые материалисты, склонны путать карту действительности с самой действительностью.

Потакание на триединстве базальных комплексов (в терминологии А. Ксендзюка) и дуалистичные схемы сознания - вот главные причины неуёмной агрессивности и тотальной нетолерантности фанатиков. При этом они не желают понимать один из ведущих законов нашего восприятия: запредельные сферы мироздания на то и являются таковыми, что не принадлежат нашим собственным «туннелям реальности», а значит, исключаются из сфер нашего резонанса с этими сферами в процессе существования и осуществления непрерывной перцепции мира, выраженной в той или иной форме. Проще говоря: ничто не способно влиять на нас из «мира иного» до тех пор, пока мы структурируем собственное восприятие так, чтобы принадлежать «миру этому», и только целенаправленное смещение перцептивного вектора делает нас более открытыми для отдельных зон других «квантовых коридоров» мироздания.

Как мы уже выяснили выше, само понятие «Абсолютный Разум» - противоестественно по сути своей и содержит логическую ошибку. Но даже если предположить, что некая сущность, не являющаяся Абсолютом и обитающая в ином измерении управляет всем нашим повседневным мирозданием, то и здесь мы упираемся в неразрешимое противоречие здравому смыслу (противоречие здравому смыслу - вообще, надо бы отметить, одна из характерных черт большинства религий и мифов). Будучи принадлежащими к различным резонансным характеристикам, к различным «мирам», мы ни в коей мере не пересекаемся и, следовательно, не можем взаимодействовать вовсе, как

никогда не столкнутся две фуры, едущие даже навстречу друг другу, но по параллельным линиям трасс. Однако религии утверждают, что Бог управляет всем, в том числе, и в видимом нами спектре мироздания. Следовательно - делаем вывод мы - он и сам должен принадлежать, хотя бы отчасти, нашему «коридору реальности», нашей квантовой выборке отдельных свойств «глубокой реальности», нашему описанию мира.

А раз так, Бог должен быть описуемым, измеримым и воспринимаемым, хотя бы с помощью приборов, базирующихся на характеристиках и особенностях наших органов чувств. У него должны быть размеры, цвет и температура. Его можно пощупать, понюхать и полизать. Однако мы ничего такого не воспринимаем, что хотя бы отдалённо напоминало нам Бога - он даже не принадлежит нашему непосредственному описанию мира, а включён в таковое исключительно в качестве идеи о Боге, имеющей древнее мифологическое происхождение. То есть, свойство «всемогуемости божественной» неотделимо от свойства восприимчивости, а невосприимчивость - не-резонирование - автоматически блокирует возможность влияния. Загвоздка, не правда ли? У неё нет решения, а развязать этот «гордиев узел» возможно лишь предположив, что никакого Бога не существует. Что же до связи безупречности со склонностью людей к религиозности, то таковая рассматривалась мной в упомянутой статье «Проблемные вопросы формы сознания...», поэтому предлагаю просто процитировать ту её часть, которая имеет непосредственное отношение к рассматриваемой теме:

«...Но мифологическое сознание и наивная вера во всё подряд, не поддающееся экспериментальной проверке, в сочетании с отсутствием выраженного прагматического подхода к разрешению вопроса «странности бытия» надёжно и верно обеспечили всему человечеству «блуждания вслепую», которые продолжаются до сих пор. К тому же искренняя вера как в собственную исключительность, так и метафизическое вселенское значение всего рода человеческого провоцируют постоянное обращение к чувству собственной важности и эмоциональной вовлечённости в выбор «стороны света», раздувая человеческое эго до воистину невообразимых масштабов и, одновременно, лишая приверженца монотеистической религии западного толка достаточной энергии для преодоления всей этой круговерти и даже появления мыслей о «ценности ценностей», провозглашаемых им - их относительном смысле, сути и последствиях.

Так, аскет, борющийся с гордыней и «страстями мирскими» в уединении, делает всё это лишь «в угоду и славу господню», оттого действительную, скрытую гордыню свою лишь усугубляя: сила ЧСВ привязывает его к определённому образу жизни, иначе бы давно прекратил он подобные «издевательства» над собой, и в этом плане ощущение важности, присутствующее у монаха, тем более - у аскета, гораздо выше, чем у мирян, не столь устремлённых в «дом господень», а потому более свободных в выборе образа действия в мире. Любить весь мир и людей, радуясь им только ради того, чтобы «спасти душу бессмертную», обеспечив себе пригретое местечко в

раю - это всё равно, что, притворствуя, не любить на самом деле никого и ничего, и также ничему не радоваться - сплошное самооправдание и дистиллированный эгоизм.

А насколько оправданно имеет смысл идея светлой грусти чайний и вознесения молитв по поводу «сырых и убогих мира сего»? Во-первых, в молитвах за них, человек подсознательно предполагает своё превосходство над таковыми, обладание лучшими условиями жизни или лучшим здоровьем - как физическим, так и психическим. Это опять-таки заставляет разрастаться ощущению важности внутри молящегося. А сожаление по всем людям, мнящимся обделёнными или неполноценными, есть ничто иное, как спроецированная на каждого «сирого и убогого» жалость к самому себе, представляемому находящимся в их образе, примерившим жизнь их на себя. Но мы ведь вовсе не они, мы не можем быть ими и сказать, каково на самом деле быть кем-то ещё. Единственное, на что мы способны в данном направлении - это постоянно примерять маски кого-то другого, обманывая таким способом, прежде всего, лишь самих себя, поскольку, примеряя маску, мы отнюдь не становимся теми, маску кого примеряем...

Устрани жалость к себе - устранился и жалость ко всему внешнему, поскольку суть их едина, и невозможно скорбеть ни по чему, не испытывая скорби по поводу самого себя, ибо суть сей скорби - видоизменённая до неузнаваемости квинтэссенция страха за собственную жизнь, проявляющего себя случае, если условия протекания таковой стали хуже, чем были, устремляя к условиям, грозящим прекращением существования отдельно взятому человеческому существу, что в целом и служит триггером запуска указанного всеохватного базального комплекса.

Обратной стороной проявления страха является чувство надежды. Бояться и надеяться есть суть одно и то же. Верующий падает на колени перед мнящимся ему «отблеском божественного», поскольку надеется в итоге, успешно миновав когда-нибудь посмертное испытание, предстающее, например в образах «страшного суда» или «моста толщиной в волос», оказаться навеки в райских кущах, но надежда его неразрывно связана со страхом попасть в ад вместо рая, обрекая вечную душу на столь же вечные муки. Именно этот страх вечных мук и заставляет верующего склонять голову пред ликами святых или пред образом бога. И лишь потеряв всякую надежду, можно избавиться от страха, ибо для потерявшего надежду на всё, в мире не остаётся ни одной вещи, по поводу которой имело бы хоть какой-то смысл испытывать страх.

Но в преклонении перед любой властью - мирской или мифологической - да и в самой идее склонения головы перед чем бы то ни было или кем бы то ни было, в идее подчинения и признания собственной несвободы видится такой воистину «адский» клубок небезупречности, что отделить в нём страх от жалости и горделивости уже не представляется никакой возможности, поскольку все эти базальные комплексы, порождая друг друга и упираясь в свою единственную первооснову - страх смерти, являющийся страхом всех страхов, становятся единым целым способом механического однообразного реагирования на проявления энергопотоков окружающей среды, лишаящим

человека всей энергии, кроме того её объёма, что необходимо на поддержание процесса жизни...»

Напоследок, хотелось бы проанализировать популярные сейчас «доказательства существования Бога», которые несложно отыскать на просторах Всемирной паутины, и поразмыслить поподробнее - настолько ли они доказательны? В качестве примера возьмём типичную статью такого рода - из множества подобных - «16 доказательств бытия Бога». Итак, вот они по порядку:

1. Почему все, что есть, скорее есть, чем нет?

И каким же мы вообще можем вообразить ответ на этот вопрос? Вещь-в-себе, каковой является Реальность, не предполагает наличие ответа на вопрос «почему», она предполагает только возможность ответа на вопрос «что». Любой однозначный ответ на поставленный вопрос будет тавтологической спекуляцией на метафизике, замкнутой на себе самой, поскольку, каков вопрос, таков и ответ. Это всё равно, что спросить, почему красное то, что красное и сладкое то, что сладкое. И проблема здесь отнюдь не в принципиальной невозможности ответа на подобную категорию вопросов, а в фундаментальном изъяне человеческой логики и особенностей мышления, приводящем к самой возможности постановки подобных бессмысленных вопросов.

Идею о Боге к этой «дурной бесконечности» тавтологии можно разве что «за уши притянуть», как, впрочем, и всё остальное - вообще всё, что угодно. «Абсолютный ноль» возможности представлений предполагает, как ни странно, полное раскрытие возможности формирования любых представлений, то есть предоставляет обширную площадку для мифотворчества. Можно утверждать всё что только придёт в голову. Можно вообще сказать, что *«жил-был космический волк, и был волк лишь единый и ничего, кроме волка. Когда он состарился, умер и разложился, то из глаз его образовались солнце и луна, из зубов - планеты, а чёрная шкура по ночам затягивает небосклон, но в этой шкуре космическая моль проела бреши, через которые просвечивает вечно сияющий свет дня, и бреши эти мы принимаем за звёзды»*. Мы только что сочинили типичный космогонический миф - и в плане ответа на вопрос «почему есть то, что есть», он ничуть не более и не менее пригоден, чем утверждения о существовании некоего Бога.

2. Почему все, что есть, закономерно и поразительно упорядочено, несет на себе несомненный отпечаток разумного плана устройства целого?

Ещё одна логическая ловушка для верующих. Выявлением закономерностей, упорядочением окружающей нас реальности, составлением схем перераспределения внимания и заполнением инвентарного списка восприятия занимается наш собственный разум. Кажущаяся логичность и «разумность» мироздания - не более чем тотальная иллюзия, вызванная непосредственной манифестацией человеческого интеллекта в наблюдаемой картине мира, которую мы с детства воспитывались воспринимать именно так, а не иначе. Те свойства, что мнятся нам разумными и логичными, в мире оказываются изоморфными алгоритмам нашего собственного рассудка, в том числе бессознательным конструкциям, рефлексам и импринтам.

Многие верующие, полагаю, немало удивились бы, если бы вдруг узнали, сколько ещё всего в этом мире существует НЕ упорядоченных знаний, данных нам в чистом ощущении и вовсе не поддающиеся никакому описанию и логике, даже самым абстрактным. К сожалению, страх перед «бесобщением» делает многих верующих удивительно «духовно слепыми», о чём уже было сказано выше. Предполагать, что всю Вселенную можно поделить на добро и зло, а после «утрамбовать» в узкие рамки чисто человеческих конструктов ума - это не только глупо и слишком самонадеянно, но и противоречит научным данным о не-человечности Вселенной. Так же, как и с уже рассмотренным вопросом мнимой «гармоничности», «разумность» обустройства мироздания целиком и полностью зависит от относительной системы отсчёта, выделенного из этого самого мироздания, и отнюдь не свидетельствует о наличии Бога. А к верующим следовало бы обратиться с таким вопросом: «Когда же уже вы, наконец-то, научитесь отличать своего Бога от самих себя?»

3. Вся Вселенная в целом имеет причину своего существования, но продолжать эту последовательность, цепочку причин до бесконечности нельзя — где-то должна быть Первопричина.

Жёсткая каузальность мировосприятия исходит из системы координат мира людей, предполагающей наличие трёхмерного пространства и линейного времени. Не обладая эмпирическим опытом иных форм восприятия, показывающих, что пространственно-временной континуум - чистейшая условность, упорядочивающая акты перцепции, мы автоматически распространяем закон причинно-следственных связей на всю Вселенную, чем ещё раз демонстрируем узость и механистичность мышления. Гибкость, которую демонстрирует рекомбинация интерпретаций импульсов как элементов «глубокой реальности» при получении опыта изменённых режимов восприятия, показывает абсолютную относительность вышеназванных категорий, откуда можем сделать закономерный вывод, позволяющий согласованно объяснить существующее положение дел: Вселенная - это точка, сконцентрированно занимающая нуль пространства-времени, то есть в равной степени никогда и нигде не существовавшая и именно по этой самой причине существовавшая всегда и везде. Здесь всё упирается в проекции интерпретаций.

«Глубокая реальность» лежит вне каузального принципа, по крайней мере, в привычном человеческом понимании. Если хотите, то можно сказать и так: у мира нет ни начала ни конца, поскольку единственное его состояние - это «сейчас», в котором он и пребывает вечно. Но даже если перенести повседневную каузальность на вселенский уровень, то теория Большого Взрыва - чем не ответ на поставленный выше вопрос (хотя, на мой взгляд, теория эта всё-таки не вполне верная - объясняя возникновение Космоса она не объясняет возникновение Реальности)? Одно можно утверждать определённо - вездесущая причинность - ещё одна иллюзия самоорганизующегося ума, организующего мир вокруг, и поэтому никоим образом не может доказывать существования Бога.

4. «Антропный принцип Вселенной» как доказательство существования разумного плана устройства Вселенной и Бога.

Про данный принцип в статье было достаточно подробно рассказано - в корне его лежит адаптация человека к среде, в том числе, на уровне приспособления и развития функций психики. Так что нет ничего удивительного, что «мир оказывается для человека, а человек - для мира». Источник такого положения вещей - не Бог, но эволюция. Раскрытие многообразия проявлений сущего, собранных из отдельных потоков «глубокой реальности», разрушает антропный принцип, демонстрируя его в качестве одной отдельно взятой частности, всецело относительной ко всем прочим частностям.

5. Только по четырем основным базовым физическим константам, без которых она не могла бы длительно существовать в качестве структурно организованного целого, вероятность их «случайного» возникновения и координации между собой равна примерно 10 в минус 100-й степени. А ведь базовых констант не четыре, а еще больше...

Результат измерения или расчёта любых показателей, в том числе и констант, зависит от принятой системы отсчёта, в которой проводятся замеры и вычисления. В данном случае системой отсчёта служит мир людей. Учитывая историю формирования и развития человеческого «пузырька восприятия», факты соответствия констант возможности появления условий среды существования человечества выглядят не просто не удивительными, а как раз наоборот - совершенно закономерными. Подумайте только, а сколько ещё констант и в скольких системах счисления мы не измерили, не рассчитали и даже не думали измерять или рассчитывать, не догадываясь о существовании таковых? И каким невообразимым «туннелям мироздания» могут принадлежать эти константы? Подходящие нам показатели - отражение нас самих. Здесь мы ещё раз, только теперь уже с другой стороны, упираемся во всё тот же неоднократно оговоренный антропный принцип видимой Вселенной.

6. Следующее «телеологическое» ... доказательство бытия Бога в общем виде известно со времен античности, когда Аристотель впервые заметил наличие в организме некоторых животных и в природе явно выраженных целесообразностей... Разновидностью деятельности этих механизмов является, например, «предустановленная гармония» развития различных живых организмов, которым еще в эмбриональном состоянии как бы заранее известно, с чем им придется столкнуться после рождения.

В переводе с христианского на русский, речь здесь идёт о механизмах наследственности и формах изменчивости, реализующихся внутри каждого вида. Таковые во всех подробностях и в разносторонней полноте изучены наукой на генетическом, биохимическом и биофизическом уровнях, механизм всех этих «целесообразностей» давно раскрыт и успешно используется в исследовательских экспериментах генетиками, занятыми обширными разработками во всех областях - от медицины до сельского хозяйства. Да и сами понятия «целесообразности» и «гармоничности», как уже упоминалось, слишком абстрактны и слишком зависимы от угла обзора, а потому исконно спекулятивны и применимы в подходящей нам форме только для нас самих. Что же до сути вопроса - если кто-либо всерьёз размышляет над

«целесообразностью» обустройства природы, то ему следует восполнить пробелы в собственных знаниях, перечитав хотя бы школьные учебники по биологии - там он найдёт ответ на поставленный вопрос во всей возможной полноте и во всём доступном объёме.

7. Существует мир вне пространства и времени — духовный мир, мир интеллекта, мысли и свободы воли, — что доказывается наличием в каждом человеке мыслей, которые могут относиться к прошлому и будущему, то есть «путешествовать» в прошлое и будущее, а также мгновенно переноситься в любую точку пространства.

«Доказательство», как видите, начинается с недоказуемого утверждения, что существует мир такой-то и такой-то. Мы можем говорить о мирах только как о «перцептивных пузырях» существ, обладающих восприятием или хотя бы некими реакциями на окружающую среду: мир людей, мир черепах, мир кузнечиков, мир тигров - и т.д. Конечно, и миры существ, лежащие за пределами нашего восприятия качественно для «глубокой реальности» не отличаются ничем, кроме того, что они именно нами не воспринимаются. Но бесконечные беседы о «духовном мире» - чистая профанация, идейный, умственный конструкт, порождение человеческих логики и интеллекта, как и проецирование образа себя в образ прошлого или образ будущего.

Такая способность ума и памяти, однако же, отнюдь не означает действительное соприкосновение с потоками Бытия, отвечающими за восприятие времени: мы просто моделируем те или иные события в режиме реального времени, помещаем модель самих себя в созданную модель окружения и семантически соотносим сделанные «графические расчёты» с прошлым или с будущим, причём соотношение такое в высшей мере условно. Опять-таки, психология способна подробнее раскрыть нам суть указанных процессов. Конечно, «Бога» можно поместить в указанное психическое пространство, но тогда он будет ровно тем же самым - очередной умственной моделью (которой и является на протяжении всей истории человечества).

8. Следующее доказательство можно было бы, наверное, назвать «креационистским» — оно основывается на факте существования в природе организмов и живых систем, которые принципиально не могут развиться в подобное целое из частей.

Имеется в виду комплексность систем внутренних органов и их «заточенность» друг под друга. Спорить здесь особо не о чем: формирование систем органов последовательно и достаточно подробно рассматривается на уроках биологии в среднем школьном звене - начиная от одноклеточных и заканчивая человеком. Само собой разумеется, что уровень развития органов в каждом биологическом виде закономерно соответствует уровню развитости вида в эволюционном плане. Так, у кольчатого червя, кровеносная система гораздо примитивнее, чем у человека, у ряда членистоногих нервная система управляется нервным узлом, а не головным мозгом, обеспечивая жизненно необходимый набор «аппаратно прошитых» рефлексов, а пчела воспринимает ультрафиолетовый диапазон лучей вместо привычного нам видимого спектра. По-моему, здесь всё логично укладывается в теорию Дарвина.

9. Большинство людей встречалось в своей жизни со «странными» проявлениями божественного и сверхчеловеческого: как благотворного, Божественного, так и зловредного, демонического, или, наверное, чаще всего, того и другого вместе.

Это к склонности людей религиозного толка дуализировать весь мир на «чёрное и белое», «божественное и демоническое». А что, спрашивается, третьего не дано? С какой стати и на каком основании нечто потустороннее (читайте - просто непривычное, так как лежащее за пределами опыта повседневности) можно интерпретировать как исходящее от Бога, либо от Сатаны? Где доказующие критерии? Продолжая логику вопроса можно сделать вывод, что первые европейские путешественники в Африке также могли посчитать львов, слонов и жирафов «сущими демонами» - выглядят жутковато да и раньше никогда таких не видели.

В целях избегания подобной семантической ловушки, могу лишь порекомендовать принцип, описанный К. Кастанедой - «верить, не веря». Проще говоря, при получении нового опыта, особенно если он принадлежит сферам ИСС, мы можем опираться лишь на некое пространство использования полученного опыта, но никак не на его интерпретации, которых может быть сколько угодно, в зависимости от применяемой системы отсчёта, что делает каждую из интерпретаций в равной степени истинной и ложной одновременно - и ни одну из них не окончательно достоверной в абсолютном смысле. Таким образом, мы лишь «выбираем верить» в то-то и то-то, не забывая, что наш выбор - чистейшая условность и что ни в коем случае описание выбранного объяснения не должно затуманить область нашего осознания.

Так, если мы, следуя указанному принципу, встречаем ангелочка с крылышками, то можем побеседовать с ним, поиграть с ним, полетать на нём, если он окажется способен нести наш вес. На одно лишь мы не имеем никакого права - поверить в явленный нам образ, как в ангела, ибо он может оказаться всем, чем угодно. Соразмерно степени изменения восприятия, как известно, увеличиваются и уменьшаются, соответственно, искажения и упрощения, демонстрируемые нам в интерпретациях действующего процесса перечисления выборки из описания мира. Так что «снисхождения» верующим людям сил «божественных» и «дьявольских» - это только избранный ими способ галлюцинировать себе окружающую действительность, основываясь на собственном мировоззрении и «способ говорить», пытаясь словесно интерпретировать данный им опыт.

10. Доказательство от существования у ВСЕХ наций и народов представлений о Боге и сверхчеловеческих силах в той или иной форме; если индивидуумы-атеисты и встречаются у многих народов, то «атеистических» наций на Земле не бывает.

Совершенно закономерно, что, действительно, у всех наций есть своя мифология, а миф, мало того, что метафоричен, зачастую несёт в себе пережитки из Древнего мира и господствовавших тогда представлений об устройстве Реальности. Спасибо, хоть о китах и слонах в первозданном океане здесь речь не идёт, хотя запросто могла бы. Причинами послужили уже

подробно рассмотренные в начале статьи мифотворчество шаманов, сновидческий опыт Древних и всевозможные манифестации человеческого шаблона. Все три аспекта имеют непосредственное и прямое отношение к сущности самого человека и отражают его со всеми характерными чертами логики, этики и особенностей восприятия.

11. Доказательство от веры в Бога большинства выдающихся гениев человечества. Например, абсолютного большинства Нобелевских лауреатов.

Очевидно, субъективный элемент личной ментальности не может служить доказательством объективно протекающих процессов. В конечном итоге, ни один из этих учёных, несмотря на всю присущую им гениальность, так и не смог доказать существование Бога с научной точки зрения, и Нобелевскую премию они все получили явно по другому поводу. К тому же представление верующих учёных о Боге зачастую лежит очень далеко от представлений догматичных обывателей, в силу различий в особенностях их мышления. Нам вряд ли дано однозначно понять, что подразумевал каждый из этих учёных, произнося слово «Бог». Полагаю, у них у всех были различные, только им одним свойственные представления - в противном случае унифицированность и посредственность сознаний не позволили бы этим людям стать учёными, тем более, Нобелевскими лауреатами. Но и при таком раскладе они оказываются в меньшинстве: как показывает статистика, большинство учёных всё-таки НЕ верит в Бога.

12. Доказательством бытия Бога является также регулярное появление в истории человечества великих святых и религиозных деятелей, которые непосредственно имеют духовные откровения свыше и свидетельствуют тем самым о Его бытии.

Здесь мы видим очередную религиозную интерпретацию событий, основанных на убеждённости, замкнутой на саму убеждённость. Вынужден напомнить об упомянутом принципе «верить, не веря», ведь и в данном случае мы не можем судить о какой-то реальности, стоящей за перцептивным опытом этих так называемых «святых», мы можем лишь замечать и анализировать последствия получения такого опыта. В современном мире с развитием психологии и обширным распространением знаний о всевозможных психотехниках, трансцендентальный опыт перестал казаться уникальным, недоступным и запредельно сложным. Однако до второй половины девятнадцатого века, всколыхнувшего мир популярностью оккультизма, получить доступ ко всему «запредельному» имели возможность лишь те, кто действительно обладал природным даром к смещению позиции восприятия.

Так или иначе, будучи возвращенными в узких рамках монотеистической ментальности, эти деятели закономерно обладали только одним способом интерпретации воспринимаемого в ИСС - установленными официальной Церковью постулатами. Кто-то из религиозных деятелей и впрямь мог быть полусумасшедшим, как предполагали авторы советских атеистических книг - но психические отклонения здесь вовсе не обязательно были закономерностью. Просто эти средневековые визионеры оказались слишком «очарованы» религиозным описанием мира, что след односторонней и ограниченной

интерпретации ложился на весь получаемый ими опыт - и они видели именно то, что так или иначе ожидали увидеть.

Сейчас любой человек, освоивший хотя бы на начальном уровне техники вхождения в те или иные формы осознанных сновидений, может создать себе какие угодно образы - ангелов, демонов, инопланетян, атлантов - и убедиться, что опыт, полученный «святыми» доступен, в общем-то, всем и каждому в качестве естественной функции нашей человеческой психики, функции - которую мы просто-напросто позабыли, как использовать. Так или иначе, деятельность святых и пророков - это из области психологии. Или психиатрии.

13. Доказательство от противного: трагическая судьба проектов (и, часто, собственной жизни и судьбы) выдающихся атеистов. Самым ярким примером здесь может быть пример «дела Ленина-Сталина» и их последователей.

Да, конечно, учитывая, что и Ленин, и Сталин - каждый в своё время - успешно стояли во главе исполинского государства, нам только и остаётся воскликнуть: «Какая трагическая судьба!» А кроме шуток, утверждение ни на чём не основано и ничем не подкреплено. Разве кто-либо занимался сбором статистических данных, анализировал и сравнивал судьбы верующих и атеистов, создавал трактаты и диссертации? Нет? Тогда кто может утверждать, что среднестатистическая судьба среднестатистического атеиста окажется трагичнее среднестатистической судьбы среднестатистического верующего? Давайте смотреть правде в глаза: они не отличаются.

14. Широко известно и «этическое доказательство» бытия сверхчувственного мира, которое исходит из объективного существования морали и этических законов, регулирующих поведение человеческих существ.

Кто догадался назвать мораль и нравственность «объективными», если таковые принадлежат только человеческому виду? Можем ли мы наблюдать где-либо в природе соблюдение человеческой этики и представлений о том, что «нормально», а что относится к всевозможным социально порицаемым (или поощряемым) девиациям и делинквенциям? Нет, не можем, и наука подобными фактами также не располагает. Появление морали и нравственности в качестве категорий было связано как с упорядочивающим мир мифотворчеством, так и с развитием отношений собственности. Главные христианские заповеди, например, направлены на привнесение определённого базового порядка в социально разделяемую реальность, а уже на их основе возможно построение законодательных систем.

На совершение морального выбора человека в современном обществе влияет целый ряд факторов: мировоззренческие позиции, образ самого себя для себя и образ себя для других, логика и прагматизм, а равно и комплекс небезупречности. Автор разбираемой нами в данный момент статьи с «доказательствами» поднимает вопрос, по какой причине одни люди подают милостыню, а другие не подают, сводя причину к единственному выбору: наличие морали или отсутствие таковой. На деле всё иначе. Так, совершение «морального» выбора в данном случае может произойти по причине:

I. Просто хорошего настроения дарителя милостыни.

II. Чувства жалости к себе, спроецированного в чувство жалости к нищему.

III. Чувства собственной важности выраженного через желание выглядеть благородным и высокоморальным в глазах других людей, либо в своих собственных.

IV. Страх смерти, выраженного через мысль «Там, на небесах зачтётся», то есть здесь мы видим подсознательную попытку «подкупить Бога», дабы избежать небытия или попадания в ад.

V. Автоматизмов стереотипного реагирования, заставляющих человека по привычке подавать милостыню, когда он видит нищего просто потому, что «так правильно, так хорошо и так надо делать».

И это только самые базовые причины, а ведь можно найти и другие. Все эти причины лежат в сфере чисто человеческой деятельности, оптимизированной для социальной жизни. Здесь не обнаруживается и следа чего-либо «высшего и запредельного» - только пересекающаяся область интересов как психологии, так и социологии.

15. В природе существует удивительная сверхъестественная красота звездного неба, закатов и рассветов, Северного сияния, гармоничных картин природы, совершенного устройства прекрасных тел живых существ и т.д., которая будто специально предназначена для эстетического наслаждения разумного существа — человека — потому что помимо него в самой природе созерцать ее просто некому.

«Как будто» - здесь самое главное словосочетание. Эстетика, как и этика - понятия сугубо относительные и всецело человеческие, равно как в глубоко субъективны любые восторженные эпитеты, наподобие «совершенный», «прекрасный», «гармоничный». Если мы имеем способность видеть в природе некую красоту, то это ещё вовсе не означает, что там действительно присутствует какое-либо свойство «красоты», явленное в абсолютном качестве, равно как и не доказывает объективное существование красоты.

В общем и целом, представления о прекрасном и ужасном восходят в человеке к очень древним инстинктам и примитивным паттернам восприятия, возможно, также к импринтам времён раннего детства каждого человеческого существа. Обусловлено формирование эстетики было природным требованием приспособления человека к окружающей среде обитания. Логический анализ позволяет предположить, что считаться красивым стало то, что имело хотя бы опосредованное отношение к: укрытию, пище, размножению и раскрытию конструктов ума. Манифестации этих древнейших паттернов не обязательно должны быть прямыми - чаще всего, они как раз не столь уж и очевидны.

Например, природные пейзажи нам кажутся красивыми тогда, когда они выглядят как удобная и функциональная среда обитания для древнего человека, цветок завораживает яркими красками и геометричностью расположения лепестков - здесь мы наблюдаем паттерн пищи (яркие цвета съедобных плодов) и паттерн раскрытия алгоритмов ума, так как созерцание сложных форм и их математическая выверенность способствуют возникновению у человека трансподобного состояния сознания (у буддистов, к примеру, популярным

образом для медитативных визуализаций является лотос), паттерн размножения заставляет нас видеть красоту, например, в античных статуях - как видите, это тоже не самоочевидно, однако становится ясным после некоторых размышлений - они настолько элементарны, что я предлагаю читателям выполнить их самостоятельно.

Именно так адаптивное происхождение эстетики являет нам себя во всей красе, демонстрируя, что относится лишь к истории развития человеческого вида и принадлежит в явленной форме также исключительно человеческому виду - и никому более.

16. В природе существует ясно наблюдаемая градация совершенства внутри различных видов бытия, которая может быть понята только при наличии абсолютно совершенного Существа, то есть Бога.

Имеется в виду, что бывают люди сильные и красивые, а бывают - слабые и уродливые, точно так же дело обстоит с растениями и животными. В общем и целом, данное «доказательство» во многом повторяет предыдущее, поскольку основано на эстетике, однако следует отметить характерную особенность: утверждается, что градация может быть понята только при наличии Бога. Хотелось бы задать приверженцам данной позиции риторический вопрос: это градацию кто наблюдает и понимает - вы сами или некий «Бог»? Если её наблюдает «Бог», то как же тогда о ней рассуждаете вы, а если её наблюдаете вы, то причём здесь «Бог»?

Что же до объяснения существования подобной градации, то она - прекрасный и яркий пример механизмов мутационной и модификационной изменчивости в природе. К тому же, рассуждая, что одно более красиво и совершенно, чем другое, человек занимает характерную для своего вида субъективную позицию точки отсчёта, так что мы, очистившись от налёта относительности, мифологизации и анропности, объективно можем констатировать здесь лишь банальный и всем давно известный факт: представители одного вида не являются полностью идентичными друг другу. Никакие иные выводы из факта наличия градаций не следуют.

Рассмотрев мнимые «доказательства существования Бога», мы убедились, что ни одно из них на самом деле ничего не доказывает, однако же характерной чертой таковых можно отметить прямое указание на манифестации собственно человеческой природы, особенно природы восприятия - относительно истории, общества и среды обитания. Эти «доказательства» архетипичны и обращены в область устройства рассудка, описания мира и наборов реагирования, лежащих в основе большинства жителей Земли. Таким образом, они лучше позволяют раскрыть и понять природу психических процессов человеческих существ. Удалось ли мне выполнить главную цель, поставленную перед статьёй - подробно, убедительно и систематично доказать, что Бога нет? Я думаю, что хоть фрагментарно и частично, но задача была выполнена.

Мир настолько привык принимать как данность идею о принципиальной недоказуемости и непроверяемости существования Бога, что даже отказывается от попыток, однако мы увидели, какое огромное количество нестыковок, уловок и логических ошибок таят в себе человеческие

представления о «божественном». Кроме того, современный уровень знаний вполне способен претендовать на доказательство невозможности существования «Абсолютного Разума» и на рассмотрение среды обитания в качестве комплексного перцептивно-обусловленного мира, оттесняющего любые принципиально невоспринимаемые и не поддающиеся техническому измерению сигналы из области возможных влияний в область, недостижимую для влияний.

Конечно же, уверенных верующих я ни в чём не убедил - да и как можно убедить кого-либо, чья логика основана на циклировании понятий, то есть замыкается сама на себя? Но всё же, если найдутся здравомыслящие люди, которых моя статья заставит хотя бы задуматься на данную тему, то поставленную задачу уже можно будет считать выполненной в достаточном объёме. И можно предположить, что разрабатываемая учёными интегральная М-теория - «теория всего», призванная объяснить и просчитать все существующие аспекты мироздания в рамках интерпретаций действующей парадигмы квантовой реальности, когда-нибудь сможет подвести черту над вопросом, проблематика которого только лишь едва намечена в моей статье, и тогда человечество будет способно уже окончательно доказать Небытие Бога.

*Белоусов Роман,
16 мая 2016 года*